

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан

город Москва

22 марта 2005 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Н.С.Бондаря, судей Г.А.Гаджиева, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Стрекозова, Б.С.Эбзеева, В.Г.Ярославцева,

с участием граждан Ю.А.Бирюченко и С.В.Бровченко, адвокатов А.В.Кручинина - представителя гражданина М.Н.Алекперова, Р.Н.Черемчука - представителя гражданина Ю.А.Бирюченко, К.Л.Костроминой - представителя гражданина С.В.Бровченко, А.П.Новикова - представителя гражданина А.В.Естафьева, Е.А.Бару, Е.Л.Липцер, Е.Ю.Львовой - представителей гражданина П.Л.Лебедева, С.В.Бровченко - представителя гражданина В.А.Приходько, С.В.Михайловой - представителя гражданина А.Ю.Реутова, С.В.Дудина - представителя гражданина А.С.Синякова, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Е.Б.Мизулиной, представителя Совета Федерации - доктора юридических наук Е.В.Виноградовой,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан М.Н.Алекперова, Ю.А.Бирюченко, С.В.Бровченко, А.В.Евстафьева, П.Л.Лебедева, Г.Л.Ойнаса, В.А.Приходько, А.Ю.Реутова, О.В.Рябова, А.С.Синякова и Е.А.Суворова на нарушение их конституционных прав указанными положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Л.Кононова, объяснения сторон и их представителей, заключение специалиста - доктора юридических наук И.Б.Михайловской, выступление приглашенного в заседание представителя от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.Л.Оксюка, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Оконченные расследованием уголовные дела в отношении граждан М.Н.Алекперова, А.В.Евстафьева, П.Л.Лебедева, Г.Л.Ойнаса, В.А.Приходько, А.Ю.Реутова, А.С.Синякова и Е.А.Суворова были направлены в суд накануне или в день истечения срока содержания обвиняемых под стражей, который был установлен судами на стадии предварительного расследования. В течение 5-14 дней после поступления дел в суд, а по некоторым делам - в более поздние сроки судьи принимали вне судебного заседания решения об оставлении меры пресечения без изменения, причем оформляли их не отдельным актом, а включали в постановления о назначении предварительного слушания или о назначении судебного заседания.

Как следует из материалов жалобы гражданина Ю.А.Бирюченко, вопрос о продлении установленного в период предварительного расследования срока его содержания под стражей был рассмотрен судом только через шесть месяцев после поступления уголовного дела в суд, поскольку суд исходил из того, что в таких случаях срок содержания обвиняемого под стражей продлевается на шесть месяцев самим фактом поступления уголовного дела в суд. Аналогичную позицию занимали суды и органы прокуратуры, разрешая вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам в отношении граждан А.С.Синякова и Г.Л.Ойнаса.

Суды надзорной инстанции дважды отменяли обвинительные приговоры, постановленные по одному и тому же уголовному делу в отношении гражданина С.В.Бровченко, осужденного к наказанию в виде лишения свободы, и направляли дело на новое рассмотрение. Через месяц после повторной отмены приговора судья, принявший дело к своему производству, указал в постановлении о назначении судебного заседания, что мера пресечения в виде заключения под стражу оставляется без изменения, - при том что суд надзорной инстанции, отменяя приговор, какое-либо решение о мере пресечения не принимал. Спустя год, в течение которого срок содержания С.В.Бровченко под стражей продлевался судом, очередное ходатайство прокурора о продлении срока было отклонено и мера пресечения изменена на подписку о невыезде.

Судья, принявший к своему производству уголовное дело гражданина О.В.Рябова для решения вопроса о применении к нему принудительных мер медицинского характера, оставил ранее избранную в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу без изменения, после чего О.В.Рябов еще более пяти месяцев продолжал находиться под стражей в следственном изоляторе. Кассационная жалоба на незаконность применения данной меры пресечения была рассмотрена без его участия, поскольку, по мнению суда кассационной инстанции, уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает участие в судебном заседании лица, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера.

В своих жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации указанные граждане оспаривают конституционность примененных в их уголовных делах положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которыми регулируется порядок и сроки применения в отношении обвиняемого заключения под стражу в качестве меры пресечения на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования.

1.1. Граждане М.Н.Алекперов, С.В.Бровченко, А.В.Евстафьев, П.Л.Лебедев, В.А.Приходько, А.Ю.Реутов, О.В.Рябов, А.С.Синяков и Е.А.Суворов просят признать не соответствующими Конституции Российской Федерации положения статей 227 и 228 УПК Российской Федерации, а граждане С.В.Бровченко, П.Л.Лебедев и А.Ю.Реутов - и находящуюся в нормативной связи с этими положениями часть вторую статьи 229 УПК Российской Федерации. По мнению заявителей, оспариваемые законоположения допускают возможность содержания обвиняемых под стражей без соответствующего судебного решения в период с момента окончания предварительного расследования и направления уголовного дела в суд до момента принятия судом решения о назначении судебного заседания либо предварительного слушания и тем самым не согласуются с конституционными гарантиями их прав на свободу и личную неприкосновенность, а также на судебную защиту прав и свобод.

На том же основании граждане М.Н.Алекперов, С.В.Бровченко, Ю.А.Бирюченко, А.В.Евстафьев, П.Л.Лебедев, Г.Л.Ойнас, В.А.Приходько, О.В.Рябов и А.С.Синяков оспаривают конституционность частей второй и третьей статьи 255 УПК Российской Федерации, как допускающих после передачи уголовного дела в суд содержание обвиняемого под стражей в течение шести месяцев без судебного решения, а гражданин С.В.Бровченко, кроме того, - конституционность статьи 410 УПК Российской Федерации, которая, определяя пределы прав суда надзорной инстанции при отмене приговора, не возлагает на него обязанность в случае отмены приговора и направления уголовного дела на новое

рассмотрение в суд первой инстанции решить вопрос о мере пресечения, и положений статьи 411 УПК Российской Федерации, предусматривающих, что после отмены в порядке надзора обвинительного приговора и направления дела на новое рассмотрение это дело подлежит разрешению по тем же правилам, которые установлены для его первоначального рассмотрения судом первой инстанции, в том числе в части, касающейся вопроса о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения.

В обоснование утверждения о несоответствии Конституции Российской Федерации части третьей статьи 255 УПК Российской Федерации граждане Ю.А.Бирюченко, С.В.Бровченко и В.А.Приходько указывают на то, что, допуская по истечении шестимесячного срока со дня поступления уголовного дела в суд многократное продление срока содержания под стражей (каждый раз не более чем на три месяца), она позволяет содержать подсудимых под стражей неограниченное время. К таким же последствиям, по мнению С.В.Бровченко, приводит применение, особенно в случаях неоднократной отмены приговора в надзорном порядке и направления дела на новое рассмотрение, частей первой и второй статьи 110, части седьмой статьи 410 и части первой статьи 411 УПК Российской Федерации.

Граждане С.В.Бровченко, А.С.Синяков и О.В.Рябов просят признать противоречащими конституционному статусу суда, вытекающему из статьи 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации, и принципу состязательности и равноправия сторон при осуществлении судопроизводства, закрепленному в ее статье 123 (часть 3), часть десятую статьи 108, части десятую и одиннадцатую статьи 109 и часть первую статьи 255 УПК Российской Федерации, как предусматривающие право суда по собственной инициативе принимать на судебных стадиях уголовного судопроизводства решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Граждане М.Н.Алекперов, С.В.Бровченко, В.А.Приходько, О.В.Рябов и А.С.Синяков оспаривают конституционность положения части второй и часть третью статьи 231 УПК Российской Федерации, гражданин С.В.Бровченко, кроме того, - конституционность статей 227 и 228 и части второй статьи 229 УПК Российской Федерации, а гражданин П.Л.Лебедев - конституционность статьи 477 (приложение 15) УПК Российской Федерации, как позволяющих судье в стадии подготовки к судебному заседанию разрешать вопрос о мере пресечения без участия обвиняемого и его защитника и нарушающих тем самым статью 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

1.2. В жалобе гражданина С.В.Бровченко оспаривается также конституционность частей пятой и шестой статьи 355 УПК Российской Федерации, как не допускающих, по мнению заявителя, обжалование выносимых судом первой инстанции определений или постановлений об отклонении ходатайства об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу или об отводе судьи и тем самым безосновательно ограничивающих право на судебную защиту.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 2 июля 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР, регламентирующих обжалование определений (постановлений) суда первой инстанции, признал не соответствующими Конституции Российской Федерации эти положения, как не допускающие возможность обжалования и пересмотра в кассационном порядке до постановления приговора решений суда, сопряженных с применением в отношении подсудимого мер процессуального принуждения либо с фактическим продлением срока их действия, т.е. затрагивающих конституционные права и свободы. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что не исключается установление в уголовно-процессуальном законе такого порядка кассационного обжалования промежуточных действий и решений суда первой инстанции, при котором судебная проверка их законности и обоснованности может осуществляться и после постановления приговора.

Названное Постановление сохраняет свою силу, а выраженная в нем правовая позиция применима при решении вопроса о возможности обжалования до постановления приговора или иного итогового решения определения (постановления) суда об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу или об отклонении отвода, заявленного судье.

С учетом данной правовой позиции нормы, содержащиеся в частях пятой и шестой статьи 355 УПК Российской Федерации, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы заявителя. Кроме того, при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о наличии оснований для отмены меры пресечения в виде заключения под стражу или о необъективности и предвзятости судьи в исходе дела, заинтересованные лица вправе повторно заявить соответствующие ходатайство либо отвод.

Таким образом, в силу пунктов 2 и 3 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" производство по жалобе С.В.Бровченко в части, касающейся проверки конституционности частей пятой и шестой статьи 355 УПК Российской Федерации, подлежит прекращению.

1.3. Гражданин О.В.Рябов просит признать не соответствующими Конституции Российской Федерации положения части первой статьи 97, части первой статьи 108, статьи 128 и частей третьей и четвертой статьи 376 УПК Российской Федерации, послужившие, по его мнению, юридическим основанием для продления судом срока применения в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу после признания его страдающим психическим расстройством.

Между тем оспариваемые положения, определяющие условия применения мер пресечения к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, порядок исчисления процессуальных сроков и регламентирующие участие в заседании суда кассационной инстанции содержащегося под стражей осужденного, сами по себе не определяют правоприменение, которое имело место в деле О.В.Рябова, - вопросы, связанные с применением мер процессуального принуждения к лицу, страдающему психическим расстройством, разрешаются с учетом главы 51 (статьи 433-446) УПК Российской Федерации, специально регламентирующей производство о применении принудительных мер медицинского характера. В частности, согласно статье 435 УПК Российской Федерации при установлении факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, суд в порядке, установленном его статьей 108, принимает решение о переводе этого лица в психиатрический стационар.

Поскольку О.В.Рябовым не оспариваются положения главы 51 УПК Российской Федерации, в нормативном единстве с которыми только и могут в данном случае оцениваться часть первая статьи 97, часть первая статьи 108, статья 128 и части третья и четвертая статьи 376 УПК Российской Федерации, его жалоба в этой части в силу пунктов 1 и 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" также не может быть рассмотрена Конституционным Судом Российской Федерации. Что касается принятых по уголовному делу О.В.Рябова правоприменительных решений, то они подлежат проверке судами общей юрисдикции соответствующих инстанций.

1.4. Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения части десятой статьи 108, частей десятой и одиннадцатой статьи 109, частей первой и второй статьи 110, статей 227 и 228, части второй статьи 229, частей второй и третьей статьи 231, частей первой, второй и третьей статьи 255, статей 410 и 411, статьи 477 (приложение 15) УПК Российской Федерации постольку, поскольку ими регулируется принятие решений о применении в отношении обвиняемого (подсудимого) в качестве меры пресечения заключения под стражу после окончания предварительного расследования и направления прокурором уголовного дела в суд с обвинительным заключением или постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, при назначении судебного заседания и в ходе разбирательства дела в суде первой инстанции, а также при направлении дела на новое рассмотрение в случаях отмены обвинительного приговора вышестоящим судом.

2. В Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности являются конституционной обязанностью государства (статья 2 Конституции Российской Федерации). Как следует из взаимосвязанных положений статей 10, 17 (части 1 и 2) и 18 Конституции Российской Федерации, этой обязанностью обусловлена деятельность органов государственной власти, в том числе судебной, призванной гарантировать неотъемлемость и неотчуждаемость основных прав и свобод человека и гражданина.

2.1. Всеобщая декларация прав человека провозглашает, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах (статья 1). Принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность относится к числу основных прав человека. По смыслу Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1), оно воплощает наиболее значимое социальное благо, которое исходя из признания государством достоинства личности предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии, создает условия как для всестороннего развития человека, так и для демократического устройства общества. Именно поэтому, предусматривая повышенный уровень гарантий права человека на свободу и личную неприкосновенность, Конституция Российской Федерации допускает возможность ограничения данного права лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, и лишь в установленном законом порядке (статья 55, часть 3).

Закрепление в законе возможности ограничения свободы и личной неприкосновенности

является, таким образом, результатом законодательного разрешения коллизии между правом каждого на свободу и обязанностью государства обеспечить посредством правосудия защиту значимых для общества ценностей. Его сущностные черты предопределяются непосредственно Конституцией Российской Федерации, устанавливающей, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению (статья 22, часть 2), и исключающей с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации применение указанных мер в каких-либо иных процедурах (абзац второй пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения").

2.2. Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросу о гарантиях судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, сформулировал следующие правовые позиции.

Меры пресечения, в том числе заключение под стражу, могут применяться лишь при наличии оснований, соответствующих указанным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целям; только в этом случае их применение будет отвечать конституционному смыслу данного вида мер уголовно-процессуального принуждения, в связи с чем орган дознания, следователь, прокурор и суд, принимая решение об избрании меры пресечения, о ее отмене или изменении, а также о продлении срока содержания под стражей, в каждом случае должны обосновывать соответствие этого решения конституционно оправданным целям (Определение от 23 июня 2000 года № 175-О по жалобе граждан В.А.Жеребенкова и Е.С.Жигарева на нарушение их конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, касающихся применения в качестве меры пресечения заключения под стражу).

В ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, особое значение приобретают гарантии судебной защиты, что признается и международно-правовыми актами, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение (пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах); ограничение свободы и личной неприкосновенности в течение значительного времени вне судебного контроля не допускается (Постановление от 14 марта 2002 года по делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР).

Судебная процедура признается эффективным механизмом защиты прав и свобод, если она отвечает требованиям справедливости и основывается на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон. При решении вопросов, связанных с содержанием под стражей в качестве меры пресечения, это предполагает исследование судом фактических и правовых оснований для избрания или продления данной меры пресечения при обеспечении лицу возможности довести до суда свою позицию, с тем чтобы вопрос о содержании под стражей не мог решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств, приводимых как стороной обвинения, так и стороной защиты (постановления от 13 июня 1996 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР, от 10 декабря 1998 года по делу о проверке конституционности части второй статьи 335 УПК РСФСР, от 15 января 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 295 УПК РСФСР; определения от 6 февраля 2004 года № 44-О по жалобе гражданина В.Н.Демьяненко на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 УПК Российской Федерации, от 8 апреля 2004 года № 132-О по жалобе гражданина А.В.Горского на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 231 УПК Российской Федерации).

Использование для защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применяется заключение под стражу, судебных механизмов, основанных на конституционных принципах равенства всех перед законом и судом, справедливости, состязательности и равноправия сторон, обеспечивает режим правовой определенности (постановления от 27 мая 2003 года по делу о проверке конституционности положения статьи 199 УК Российской Федерации, от 25 февраля 2004 года по делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и части первой статьи 259 ГПК Российской Федерации, от 16 июля 2004 года по делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации).

Названные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации коррелируют с выводами, сформулированными в решениях Европейского Суда по правам человека: практика

содержания лица под стражей без конкретного правового основания, а лишь по причине отсутствия четких правил, регулирующих положение содержащегося под стражей лица, в результате чего лицо может быть лишено свободы на неопределенный срок без судебного решения, несовместима с принципами правовой определенности и защиты от произвола; заключение под стражу на срок длительностью в несколько месяцев при отсутствии обосновывающего его постановления суда, в том числе на том единственном основании, что дело передано в суд, не может считаться "законным" в смысле § 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и само по себе противоречит принципу правовой определенности, являющемуся одним из основных элементов верховенства права (решение от 28 марта 2000 года по делу "Барановский против Польши", §§ 54-57; решение от 30 июля 2000 года по делу "Йечиус против Литвы", §§ 62 и 63).

2.3. Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов и основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации распространяются на правовое регулирование применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, независимо от того, на каком этапе уголовного судопроизводства суд принимает соответствующее решение. Судебные гарантии свободы и личной неприкосновенности не могут сокращаться или приостанавливаться и в период после окончания предварительного расследования и передачи уголовного дела в суд. Иное не соответствовало бы самой сути правосудия, обеспечивающего непосредственное действие прав и свобод.

3. Исходя из того, что нормы уголовно-процессуального законодательства находятся в общей системе конституционно-правового и международно-правового регулирования, закрепляющего гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность, федеральный законодатель в качестве основополагающих принципов уголовного судопроизводства сформулировал в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации ряд правил.

Так, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (часть первая статьи 14), а суд, прокурор, следователь и дознаватель обязаны разъяснять ему, как лицу еще не признанному виновным в совершении преступления, его права в уголовном судопроизводстве и обеспечивать их осуществление (часть вторая статьи 16); никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных данным Кодексом, а суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного данным Кодексом (части первая и вторая статьи 10).

3.1. Основания и порядок заключения под стражу обвиняемого и подозреваемого определяются статьями 97, 99, 108 и 109 УПК Российской Федерации, из которых следует, что данная мера пресечения применяется, по общему правилу, к лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, при наличии достаточных оснований полагать, что это лицо скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Как инициирование принятия решения о заключении обвиняемого или подозреваемого под стражу, так и обоснование перед судом необходимости избрания именно данной меры пресечения и невозможности избрания другой возлагается на прокурора либо, с его согласия, на дознавателя или следователя. Это обусловлено особенностями функций прокурора как должностного лица, уполномоченного в пределах компетенции, установленной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (статья 37 УПК Российской Федерации, пункт 2 статьи 1 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации").

При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу прокурор возбуждает перед судом соответствующее ходатайство или дает согласие на возбуждение такого ходатайства дознавателем или следователем. Прокурор же, будучи обязанным осуществлять надзор за законностью нахождения лиц в местах предварительного заключения и соблюдением установленных законодательством Российской Федерации их прав и обязанностей (статья 32 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации"), должен следить за соблюдением установленных сроков содержания под стражей, обеспечивая своевременное направление в суд

ходатайства о продлении срока содержания под стражей в случаях, если сохраняются основания для применения этой меры пресечения, или освобождая обвиняемого из-под стражи - при их отпадении.

По смыслу закона, возбуждение ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, если к тому имеются установленные законом основания, является обязанностью прокурора на любых стадиях уголовного судопроизводства, что не исключает право суда в случае, если такой вопрос возникает на судебных стадиях, рассмотреть его по собственной инициативе (часть десятая статьи 108, часть первая статьи 255 УПК Российской Федерации).

В силу статей 10, 118 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а также конкретизирующих их статей 15 и 243 УПК Российской Федерации суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты; решая задачи, стоящие перед ним как органом правосудия, суд в то же время создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. В целях охраны прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и надлежащего проведения судебного разбирательства в разумный срок суд, в том числе по собственной инициативе, обязан проверять обоснованность применения обеспечительных мер, включая меру пресечения в виде заключения под стражу, принимать необходимые решения в случаях, когда подсудимый уклоняется от явки в суд или иным способом препятствует осуществлению правосудия, а также обеспечивает своевременное рассмотрение вопроса о продлении содержания под стражей до истечения его срока, установленного предыдущим судебным решением.

Ставя и решая по собственной инициативе вопрос об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, суд, по смыслу статьи 108 УПК Российской Федерации, не освобождается от обязанности выслушать мнения сторон, а стороны не могут быть лишены возможности привести свои доводы. Это не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, поскольку правовые и фактические основания для избрания меры пресечения связаны не с поддержкой, а тем более признанием обоснованным выдвинутого в отношении лица обвинения в совершении преступления, а с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу.

Иное понимание положений, содержащихся в части десятой статьи 108, частях десятой и одиннадцатой статьи 109 и части первой статьи 255 УПК Российской Федерации, могло бы привести к нарушению прав участников уголовного судопроизводства, гарантированных статьями 22, 46 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

3.2. Конституция Российской Федерации, ее статья 22 (часть 2), предусматривая, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, исключает тем самым возможность лишения человека свободы без судебного решения, кроме случаев, когда лицо подвергается задержанию до судебного решения на срок не более 48 часов. Соответственно, если определенный судебным решением срок содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей истекает, суд принимает решение о продлении этого срока либо подозреваемый или обвиняемый должен быть освобожден из-под стражи.

Именно поэтому закон закрепляет, что основанием содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, является судебное решение, вынесенное в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом (часть вторая статьи 5 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"), и что суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или содержащегося под стражей свыше срока, установленного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (часть вторая статьи 10 УПК Российской Федерации); если же по истечении установленного законом срока заключения под стражу в качестве меры пресечения не поступит соответствующее решение об освобождении подозреваемого или обвиняемого либо о продлении срока содержания под стражей или сообщение об этом решении, начальник места содержания под стражей освобождает его своим постановлением (часть третья статьи 50 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений").

Названные правила являются общими для всех этапов уголовного судопроизводства, в том числе при переходе от одной стадии процесса к другой. Это обусловлено тем, что единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания применения в качестве меры пресечения заключения под стражу (статьи 97, 99 и 108 УПК Российской Федерации) могут сохраняться в течение

всего времени производства по уголовному делу, и, соответственно, переход от одной процессуальной стадии к другой не влечет автоматического прекращения действия примененной на предыдущих стадиях меры пресечения.

Следовательно, при передаче прокурором уголовного дела в суд избранная в период предварительного расследования мера пресечения не прекращает свое действие и может продолжать применяться до истечения того срока, на который она была установлена соответствующим судебным решением. Судья же, получив к своему производству уголовное дело, обязан проверить, истек или нет установленный ранее принятым судебным решением срок содержания под стражей, подтверждается ли наличие фактических обстоятельств, со ссылкой на которые было принято решение о заключении лица под стражу, и сохраняют ли эти обстоятельства свое значение как основания для продления срока содержания под стражей.

Из этого исходил федеральный законодатель, предусматривая в статьях 227 и 228 УПК Российской Федерации, что судья по поступившему в суд уголовному делу в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, в течение 14 суток решает вопрос о назначении по нему судебного заседания, выясняя при этом, "подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения". Данная формулировка предполагает, что решение о заключении обвиняемого под стражу или о продлении срока содержания под стражей, принятое на стадии предварительного расследования, сможет сохранять свою силу после окончания дознания или предварительного следствия и направления уголовного дела в суд только в течение срока, на который данная мера пресечения была установлена.

Прокурор, в свою очередь, при утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта) и направлении уголовного дела в суд обязан проверить, не истекает ли установленный судом срок содержания обвиняемого под стражей и достаточен ли он для того, чтобы судья имел возможность принять решение о наличии или отсутствии оснований для дальнейшего применения заключения под стражу на судебных стадиях производства по делу. Если к моменту направления дела в суд этот срок истекает или если он оказывается недостаточным для того, чтобы судья в стадии подготовки к судебному заседанию мог принять решение о наличии или отсутствии оснований для дальнейшего применения заключения под стражу, прокурор в соответствии со статьями 108 и 109 УПК Российской Федерации обязан обратиться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей.

Не предполагают возможность содержания лица под стражей без судебного решения и статьи 410 и 411 УПК Российской Федерации. Отсутствие в них прямого указания на то, что суд надзорной инстанции в случае отмены обвинительного приговора и направления уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой, апелляционной или кассационной инстанции должен решить вопрос о применении данной меры пресечения, не освобождает его от обязанности принять соответствующее решение. При этом он должен руководствоваться общими положениями, закрепленными в статьях 10, 108, 109 и 255 УПК Российской Федерации, исходя из того, что избранная в рамках уголовного судопроизводства мера пресечения прекратила свое действие после вступления в законную силу обвинительного приговора, отмена которого не приводит к автоматическому ее восстановлению, а для избрания вновь меры пресечения в виде заключения под стражу требуется установление судом с участием заинтересованных сторон фактических обстоятельств, подтверждающих основания для заключения под стражу, с учетом нового этапа уголовного судопроизводства.

Таким образом, положения статей 227 и 228, части второй статьи 255, статей 410 и 411 УПК Российской Федерации не нарушают конституционные права заявителей, поскольку не предполагают возможность содержания обвиняемого под стражей без соответствующего судебного решения после направления уголовного дела для рассмотрения в суд по завершении предварительного расследования или после отмены вышестоящим судом ранее вынесенного приговора.

3.3. По смыслу статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 Конституции Российской Федерации, в уголовном судопроизводстве суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства эти решения принимаются. Такая процедура предполагает обязанность государства, в том числе органов судебной власти, охранять достоинство личности (статьи 21 и 45 Конституции Российской Федерации) и обращаться с нею не как с объектом государственной деятельности, а как с равноправным субъектом, который вправе защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995

года по делу о проверке конституционности статей 220¹ и 220² УПК РСФСР).

При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, судебное решение об избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу, может быть вынесено только при условии подтверждения достаточными данными оснований ее применения при предоставлении сторонам возможности обосновать свою позицию перед судом, с тем чтобы суд мог разрешить вопрос о содержании под стражей, основываясь на собственной оценке обстоятельств дела, а не только на аргументах, изложенных в ходатайстве стороны обвинения или в ранее вынесенном постановлении судьи об избрании данной меры пресечения. Продлевая действие этой меры либо отказываясь от ее продления, судья не просто соглашается или не соглашается с постановлением о заключении лица под стражу, а принимает соответствующее решение, исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в другую стадию, что может быть обусловлено появлением новых оснований для оставления без изменения или изменения меры пресечения и требует предоставления лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, права на участие в этих судебных процедурах (постановления от 13 июня 1996 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР, от 10 декабря 1998 года по делу о проверке конституционности части второй статьи 335 УПК РСФСР; определения от 25 декабря 1998 года № 167-О по делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 УПК РСФСР, от 15 мая 2002 года № 164-О по жалобам граждан И.А.Москалева, В.В.Соловьева и В.В.Стоякина на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 239¹ УПК РСФСР). Приведенные решения Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу, а выраженные в них применительно к нормам Уголовно-процессуального кодекса РСФСР правовые позиции распространяются на правоотношения, регулируемые статьей 227, частью второй статьи 228, частями второй и третьей статьи 231, статьей 447 (приложение 15) УПК Российской Федерации.

Аналогичная правовая позиция была сформулирована в Определении от 8 апреля 2004 года № 132-О по жалобе гражданина А.В.Горского, в котором Конституционный Суд Российской Федерации указал на необходимость обеспечения обвиняемому - в случае принятия судом в стадии подготовки к судебному заседанию решения об оставлении без изменения меры пресечения в виде заключения под стражу, т.е. фактически о ее продлении, - права участвовать в рассмотрении судом данного вопроса, изложить свои аргументы и представить подтверждающие их доказательства в соответствии с процедурой, предусмотренной статьей 108 УПК Российской Федерации.

Поскольку ограничение свободы и личной неприкосновенности возможно только по судебному решению, принимаемому судом в судебном заседании на основе исследования конкретных обстоятельств уголовного дела при условии обеспечения содержащемуся под стражей обвиняемому возможности довести до суда свою позицию, запрет на вынесение вне судебного заседания решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения должен распространяться на все судебные решения - касающиеся как первичного избрания этой меры пресечения, так и сохранения содержания под стражей, избранного ранее.

Конституционно-правовой смысл законоположений о судебной процедуре избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации, определяет содержание и применение соответствующих норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на всех судебных стадиях, включая производство в кассационном и надзорном порядке, а также новое рассмотрение дела судом первой инстанции после отмены обвинительного приговора, поскольку гарантии от произвольного или избыточного ограничения свободы и личной неприкосновенности должны обеспечиваться на любом этапе уголовного судопроизводства.

И только по результатам рассмотрения - в условиях состязательности сторон и при обеспечении прав участников судопроизводства - вопроса о мере пресечения суд может принять решение об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу или о продлении срока его действия. Это решение должно отражать исследованные в судебном заседании фактические обстоятельства вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства и в какой форме - в виде отдельного постановления (определения) или в качестве одной из составных частей постановления (определения), выносимого по иным вопросам (в том числе о назначении судебного заседания, об отмене приговора и направлении уголовного дела на новое рассмотрение), оно принимается.

Таким образом, содержащиеся в статьях 227 и 228, частях второй и третьей статьи 231, статье 477 (приложение 15) УПК Российской Федерации положения предполагают необходимость обеспечения обвиняемому права участвовать в рассмотрении судом вопроса (отдельно или наряду с

другими вопросами) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей или об оставлении данной меры пресечения без изменения, изложить свою позицию и представить в ее подтверждение необходимые доказательства.

3.4. Поставленный заявителями вопрос о том, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности его статья 110, часть третья статьи 255, часть седьмая статьи 410, часть первая статьи 411, не закрепляя предельные сроки содержания подсудимого под стражей и предусматривая возможность продления срока содержания под стражей подсудимого, обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, тем самым позволяет в ходе судебного разбирательства лишить его свободы на неопределенный срок, требует рассмотрения и конституционно-правовой оценки данных норм в их взаимосвязи с нормами, регламентирующими судебные процедуры принятия решения о содержании под стражей в качестве меры пресечения, соблюдение которых должно обеспечивать его законность и фактическую обоснованность.

Законность и обоснованность применения избранной по судебному решению меры пресечения определяются не только формально установленным сроком ее действия, но и наличием выявленных в состязательном процессе фактических и правовых оснований для ее применения. При этом, как вытекает из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, должна обеспечиваться соразмерность ограничений, связанных с применением в отношении лица заключения под стражу в качестве меры пресечения, тяжести инкриминируемого ему преступления, его личности, поведению в период производства по уголовному делу, а также наказанию, которое в случае признания его виновным в совершении преступления может быть назначено и может подлежать реальному отбытию с учетом уголовно-правовых институтов освобождения от наказания и смягчения наказания.

Само по себе то, что законодатель, учитывая различную степень сложности уголовных дел и иные обстоятельства, обуславливающие сроки, в том числе длительные, рассмотрения уголовных дел, предусмотрел возможность - при условии соблюдения принципа разумности этих сроков - продления содержания подсудимого под стражей в период судебного разбирательства свыше шести месяцев, но каждый раз не более чем на три месяца, не может расцениваться как чрезмерное ограничение прав и свобод человека. Напротив, адресованное суду требование не реже чем через три месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры пресечения и ее отмену в случае, если необходимость в ней не будет доказана.

Таким образом, положения частей первой и второй статьи 110, части третьей статьи 255, части седьмой статьи 410, части первой статьи 411 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают произвольное и бесконтрольное продление сроков содержания подсудимого под стражей и не освобождают суд от обязанности рассмотрения уголовного дела в разумные сроки.

4. Признанием рассмотренных в настоящем деле норм уголовно-процессуального законодательства в их конституционно-правовом истолковании не нарушающими конституционные права и свободы граждан и не противоречащими Конституции Российской Федерации не исключается внесение федеральным законодателем с учетом настоящего Постановления изменений и дополнений в регулирование порядка и сроков применения заключения под стражу в качестве меры пресечения на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, с соблюдением вытекающих из принципа правового государства требований определенности, недвусмысленности и согласованности правовых норм.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть десятую статьи 108, части десятую и одиннадцатую статьи 109 и часть первую статьи 255 УПК Российской Федерации, допускающие рассмотрение судом по собственной инициативе вопроса о применении к подсудимому в качестве меры пресечения заключения под стражу, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают возможность принятия судом решения по указанному вопросу без исследования представленных сторонами обвинения и

защиты доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения данной меры пресечения.

2. Признать статьи 227 и 228, часть вторую статьи 229 УПК Российской Федерации и находящиеся с ними в нормативном единстве части вторую и третью статьи 255, статьи 410 и 411 данного Кодекса не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего уголовно-процессуального регулирования не допускают возможность содержания обвиняемого под стражей без судебного решения после направления прокурором или вышестоящим судом уголовного дела на рассмотрение в суд.

3. Признать части первую и вторую статьи 110, часть третью статьи 255, часть седьмую статьи 410, часть первую статьи 411 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают произвольное и не контролируемое судом продление сроков содержания подсудимого под стражей и не освобождают суд от обязанности рассмотрения уголовного дела в разумные сроки.

4. Признать статьи 227 и 228, части вторую и третью статьи 231, статью 477 (приложение 15) УПК Российской Федерации в части, устанавливающей порядок разрешения судьей в стадии подготовки к судебному заседанию вопроса о мере пресечения, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу предполагают необходимость обеспечения обвиняемому права участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей или об оставлении данной меры пресечения без изменения, изложить свою позицию и представить в ее подтверждение необходимые доказательства.

5. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл положений части десятой статьи 108, частей десятой и одиннадцатой статьи 109, частей первой и второй статьи 110, статей 227 и 228, части второй статьи 229, частей второй и третьей статьи 231, частей первой, второй и третьей статьи 255, статей 410 и 411, статьи 477 (приложение 15) УПК Российской Федерации является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике, в том числе при рассмотрении уголовных дел граждан - заявителей по настоящему делу.

6. В соответствии со статьей 68 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" прекратить производство по жалобе гражданина С.В.Бровченко в части, касающейся проверки конституционности частей пятой и шестой статьи 355 УПК Российской Федерации, и по жалобе О.В.Рябова - в части, касающейся проверки конституционности части первой статьи 97, части первой статьи 108, статьи 128 и частей третьей и четвертой статьи 376 УПК Российской Федерации.

7. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

8. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Председательствующий -
судья Конституционного Суда
Российской Федерации
Н.С.Бондарь

Судьи
Конституционного Суда
Российской Федерации
Г.А.Гаджиев
А.Л.Кононов
Л.О.Красавчикова

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
А.Л. КОНОНОВА ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПОРЯДОК И СРОКИ
ПРИМЕНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ПОД СТРАЖУ НА СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
СЛЕДУЮЩИХ ЗА ОКОНЧАНИЕМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЕМ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУД**

1. Ряд заявителей по данному делу оспаривали конституционность положений статей 108, 109 и 255 УПК Российской Федерации, предусматривающих право суда по собственной инициативе принимать решения о мере пресечения в виде заключения под стражу. Они полагают, что инициатива суда в этом вопросе противоречит независимому конституционному статусу суда и принципу состязательности сторон, вытекающим из статей 120 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В этом с ними необходимо полностью согласиться.

Более того, обоснование данного вывода можно без труда обнаружить в прежних позициях Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно выраженных в его решениях (Постановления от 28 ноября 1996 года N 19-П, от 20 апреля 1999 года N 7-П, от 14 января 2000 года N 1-П, Определение от 25 декабря 1998 года N 167-О и др.). Так, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, конституционный принцип состязательности в уголовном судопроизводстве означает строгое разграничение функции суда по разрешению дела и функций спорящих сторон. Недопустимо возложение на суд выполнения каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия.

Функцией публичного уголовного преследования, включая возбуждение уголовного дела, формулирование обвинения и обоснование перед судом меры пресечения в виде содержания под стражей, наделены только специально уполномоченные законом органы и должностные лица исполнительной власти. Именно на органе дознания, следователе и прокуроре лежит обязанность возбуждать перед судом, т.е. инициировать, ходатайство об избрании и продлении меры пресечения в виде содержания под стражей и подтверждать в каждом конкретном случае достаточными доказательствами обоснование такой меры. Таким образом, это целиком и полностью функция стороны обвинения, которая не может быть совместима с конституционным статусом объективного, беспристрастного и независимого осуществления правосудия, как того требует статья 120 Конституции Российской Федерации. Иницилируя продление срока содержания под стражей без ходатайства обвинения, суд выполнял бы не свойственную ему обвинительную функцию.

Такие же рассуждения, но без ссылок на предыдущие позиции, содержатся и в мотивировочной части данного Постановления. Так, отмечается, что именно сторона обвинения либо с ее согласия - дознаватель или следователь инициируют принятие судебного решения об избрании или продлении содержания под стражей и обосновывают перед судом соответствующее ходатайство, что прямо вытекает из части третьей статьи 108 УПК Российской Федерации. Обязанностью прокурора является надзор за соблюдением установленных сроков содержания под стражей на всех стадиях уголовного судопроизводства и своевременное направление ходатайства о продлении этих сроков, если основания для этого продолжают сохраняться.

Конституционный Суд Российской Федерации констатирует принципиальный момент - если по истечении санкционированного судом срока содержания под стражей новое решение о продлении срока не принято, то обвиняемый (подсудимый) должен быть немедленно освобожден, однако делает парадоксальный вывод, что это не исключает право суда рассмотреть вопрос о продлении срока по собственной инициативе. Как не исключает? По нормальной логике, именно исключает.

2. Весьма противоречиво и туманно утверждение Конституционного Суда Российской Федерации о наличии неких "стадий уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением дела в суд". Предполагается, что на этих "стадиях" срок меры пресечения в виде содержания под стражей, избранный в период

предварительного следствия, может сохраняться, поскольку, по мнению Суда, "переход от одной процессуальной стадии к другой не влечет автоматического прекращения действия примененной на предыдущих стадиях меры пресечения" и она "может продолжать применяться до истечения того срока, на который была установлена".

Данное утверждение, однако, представляется ошибочным и опасным, поскольку размывает понимание точного исчисления момента окончания срока пребывания под стражей и, предполагая мнимое единство его обоснования, как раз провоцирует его автоматическое продление, как это имело место в делах заявителей. Между тем с переходом от досудебной к судебной стадии уголовного процесса существенным образом не только изменяется правовое положение обвиняемого, но и изменяются или отпадают основания и фактические обстоятельства, которые ранее оправдывали его содержание под стражей. Окончание предварительного следствия означает, что к этому моменту все доказательства обвинения собраны и закреплены в уголовном деле и обвиняемый уже не может каким-либо образом повлиять на производство следствия и сбор доказательств, оказывать воздействие на свидетелей и препятствовать установлению истины по делу. Появляются и иные мотивы для применения менее суровой меры принуждения.

Представляется неслучайным поэтому, что закон устанавливает продление срока содержания под стражей судом лишь до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и направления прокурором уголовного дела в суд (пункт 1 части восьмой статьи 109 УПК Российской Федерации). Срок содержания под стражей в период предварительного следствия исчисляется с момента заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу до направления прокурором уголовного дела в суд (часть девятая статьи 109 УПК Российской Федерации).

Таким образом, уголовно-процессуальный закон в отличие от толкования Конституционного Суда Российской Федерации определенно указывает на то, что судебное установление меры пресечения в виде содержания под стражей на предварительном следствии в любом случае исчерпывает себя в момент направления уголовного дела в суд. Дальнейшее пребывание обвиняемого под стражей недопустимо, поскольку для продления этого срока необходимо отдельное судебное решение, принимаемое в соответствующей процедуре, отвечающей требованиям состязательности и равноправия сторон.

3. Бесспорно, следует согласиться с выводами Конституционного Суда Российской Федерации, вытекающими из конституционных принципов и системы действующих уголовно-процессуальных норм, о недопустимости произвольного и не контролируемого судом продления сроков содержания под стражей, о невозможности содержания обвиняемого под стражей сколь угодно малый срок без судебного решения после направления дела для рассмотрения в суд, о необходимости для решения этого вопроса полноценного судебного исследования доказательств, наличия или отсутствия соответствующих оснований с участием сторон и с соблюдением общей процедуры, предусмотренной статьями 108 и 109 УПК Российской Федерации.

Вместе с тем поражает полное несоответствие этих рассуждений конечной оценке оспариваемых норм как не противоречащих Конституции Российской Федерации. Непонятно, каким образом Конституционный Суд Российской Федерации пришел к заключению, что оспариваемые положения якобы предполагают нечто иное, прямо противоположное их буквальному содержанию и адекватному ему правоприменению.

Согласно оспоренным в данном деле положениям статей 227 и 228 УПК Российской Федерации судья, принимая в 14-дневный срок решение о назначении по поступившему в суд с обвинительным заключением уголовному делу судебного заседания, должен выяснить, подлежит ли отмене или изменению ранее избранная в отношении обвиняемого мера пресечения в виде заключения под стражу. Уголовно-процессуальный закон не обуславливает решение данного вопроса ни проведением судебного заседания с участием заинтересованных лиц, ни вынесением отдельного решения по поводу меры пресечения, которое согласно действующему регулированию формулируется к тому же в не подлежащем обжалованию постановлении о назначении судебного заседания. Закрепленные в статье 229 УПК Российской Федерации основания, по которым на этом этапе судебного процесса проводится предварительное слушание, не позволяют провести его для рассмотрения вопроса об отмене ареста или замене его иной мерой пресечения. Более того, закон не придает никакого правового значения тому обстоятельству, что срок содержания под стражей к моменту поступления дела в суд закончился и содержание лица под стражей до принятия судом решения о назначении судебного заседания не имеет юридически оформленных оснований. Оспариваемые нормы предоставляют суду возможность по назначению судебного заседания по крайней мере в течение 14 дней вообще не принимать по этому вопросу никаких решений.

Таким образом, даже при соблюдении установленных законом сроков начала судебного заседания обвиняемый на этом этапе судопроизводства в течение 14 дней может по действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации находиться под стражей без судебного решения. При этом он лишен возможности обжаловать молчаливое подтверждение судом избранной меры пресечения и не вправе ходатайствовать о ее отмене. Кроме того, как показывает практика, установленные законом сроки назначения судебных заседаний во многих случаях не соблюдаются, в

силу чего указанные нарушения судебных гарантий конституционного права на свободу и личную неприкосновенность приобретают длящийся характер, как это имело место в делах заявителей.

Указанное регулирование, лишая обвиняемого каких бы то ни было возможностей довести до суда свою позицию в отношении продолжения предварительного заключения, реально ориентирует суды на согласие с ранее избранной на следствии мерой пресечения, что происходит, по существу, автоматически, вопреки тому, что прежние сроки и имевшиеся ранее основания содержания под стражей не распространяются на период производства по делу в суде первой инстанции. Это позволяет содержать обвиняемого под стражей фактически без судебного решения, без установления для этого законных оснований и противоречит статусу суда как независимого органа правосудия, что не согласуется со статьями 22 (часть 2), 46 (часть 1) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Неконституционный эффект рассмотренного регулирования заключения под стражу в качестве меры пресечения на этапе назначения судебного заседания в суде первой инстанции многократно усиливается тем, что во взаимосвязи с другими нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации оно определяет предпосылки необоснованного содержания под стражей и на других этапах судопроизводства. Так, согласно частям второй и третьей статьи 255 УПК Российской Федерации срок содержания подсудимого под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не должен, как правило, превышать 6 месяцев, а по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может продляться судом каждый раз не более чем на 3 месяца.

Это положение, также оспариваемое в данном деле, устанавливает общий предельный срок содержания под стражей в ходе судебного разбирательства в первой инстанции, лишь по истечении которого требуется судебное решение о продлении этого срока. Вопреки мнению Конституционного Суда Российской Федерации это положение сконструировано так, что по своему буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, предполагает, что до окончания шестимесячного срока с момента поступления дела в суд судебное решение о продлении меры пресечения может не выноситься вообще, причем независимо от того, назначено ли по делу судебное заседание и началось ли оно. Таким образом, шесть месяцев пребывания подсудимого под стражей после передачи дела в суд могут не иметь никаких разумных оснований для ограничения свободы, а по буквальному смыслу статьи 229 УПК Российской Федерации исключается и назначение в этот период предварительного слушания, с тем чтобы в нем могли быть проверены законность, обоснованность и разумные сроки содержания под стражей.

В результате, как это имело место в делах заявителей, подсудимый, в отношении которого суд на этапе подготовки дела к слушанию принимает решение о продлении такой меры пресечения, как содержание под стражей (или вообще в течение 6 месяцев не принимает об этом никаких решений, как в деле заявителя Ю.А. Бирюченко), может быть лишен доступа к суду и возможности заявить о своем несогласии с содержанием под стражей в течение многократно более длительного времени, чем это предусмотрено статьей 227 УПК Российской Федерации. Таким образом, статья 227 в ее взаимосвязи со статьей 255 УПК Российской Федерации приводит фактически к лишению подсудимого возможности защищаться в суде от незаконно продленного в отношении него вне судебного заседания и необоснованного содержания под стражей, т.е. к еще более тяжелым последствиям, связанным с нарушениями его конституционных прав на свободу и судебную защиту.

О том, что оспариваемые нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации понимались и применялись судами и органами прокуратуры в их буквальном смысле, свидетельствуют решения по делам заявителей. Так, в ответ на жалобу Ю.А. Бирюченко кассационная инстанция указала в своем постановлении, что в соответствии с частью второй статьи 255 УПК Российской Федерации срок его содержания под стражей, истекший по окончании предварительного следствия, был продлен на 6 месяцев уже самим фактом поступления уголовного дела в суд (!). В судебном решении по жалобе А.С. Синякова, ссылаясь на то же положение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, суд указал, что истечение срока содержания под стражей, установленного на стадии предварительного следствия, не влечет отмену меры пресечения после поступления дела в суд до истечения 6-месячного срока. По мнению прокуратуры, содержащемуся в материалах жалобы Г.Л. Ойнаса, до истечения 6-месячного срока специального судебного решения о продлении избранной на следствии меры пресечения не требуется.

Трудно поверить, что все правоприменители одновременно заблуждались относительно смысла и содержания оспариваемых норм. Очевидно, что указанное регулирование имеет не устранимый никаким толкованием дефект, изначально заложенный законодателем, и подлежит дисквалификации признанием оспариваемых норм не соответствующими Конституции Российской Федерации.

**МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Г.А. ГАДЖИЕВА ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПОРЯДОК
И СРОКИ ПРИМЕНЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Мною разделяются выводы Конституционного Суда Российской Федерации о необходимости корректировки оспоренных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации путем их конституционно-правового истолкования. Однако, будучи не удовлетворен мотивировочной частью Постановления, излагаю свое мнение.

1. Пункт 2 мотивировочной части Постановления посвящен конституционно-правовой системе координат, в рамках которой принято решение. Думаю, что в основе этой системы конституционных норм - статья 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющая право каждого на недопустимость произвольного вмешательства государства в сферу неприкосновенности личности.

Конституционное право на неприкосновенность личности состоит из ряда субъективных правомочий, одно из которых - знать, по какому основанию, указанному в уголовно-процессуальном законе, по каким мотивам, в силу каких фактических обстоятельств обвинение считает необходимым подвергнуть такой мере пресечения, как лишение свободы. Несоблюдение этого права чревато произвольностью задержания (статья 9 Всеобщей декларации прав человека).

Все меры пресечения имеют общие цели - предотвращение сокрытия от дознания, предварительного следствия или суда, возможного продолжения преступной деятельности, угроз свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, иного воспрепятствования производства по уголовному делу (статья 97 УПК Российской Федерации). Исходя из этих целей подлежат доказыванию обстоятельства, которые являются основаниями избрания меры пресечения. Безусловной особенностью предмета доказывания является то, что доказывается предположительное, возможное поведение обвиняемого. Всегда есть риск наступления этого возможного поведения и отсутствуют какие-либо "страховочные" механизмы, помимо разумно применяемых мер пресечения.

Учитывая риск наступления последствий, указанных в подпунктах 1, 2 и 3 пункта 1 статьи 97 УПК Российской Федерации, особое значение приобретает понятие конституционного статуса обвиняемого, в отношении которого применяется такая мера пресечения, как заключение под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд.

Помимо конституционного права на личную неприкосновенность, составляющего само ядро этого статуса, в его структуре присутствуют конституционные принципы соразмерности (пропорциональности, правовой определенности, состязательности и равноправия сторон).

2. Принцип соразмерности (пропорциональности) позволяет решить философско-правовой вопрос о том, какая конституционная ценность подлежит государственной защите - право человека на личную неприкосновенность или обязанность государства обеспечить защиту прав других лиц, применяя для этого меры пресечения в виде лишения свободы. Способом снятия этого противоречия должна быть законодательная регламентация процедуры лишения свободы, основанная на конституционном принципе недопустимости чрезмерных ограничений субъективных прав (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации). Исходя из этого принципа, применяя нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о мерах пресечения, приводящих к лишению свободы, суд должен учитывать, что применение таких мер будет соответствовать их конституционному смыслу лишь при наличии каких-либо оснований, перечисленных в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации (в частности такого основания, как учет прав и законных интересов других лиц).

В этой связи, принимая решение об избрании указанной меры пресечения, а также о продлении срока содержания под стражей, суд в каждом конкретном случае должен обосновывать соответствие этого решения конституционно оправданным целям. Мера пресечения в виде лишения свободы - это не только категория уголовно-процессуального права, но и конституционно-правовой институт.

3. Чрезвычайно велико в данном деле значение конституционного принципа правовой определенности. Требование этого принципа образует один из основополагающих принципов верховенства права (См.: Решение Европейского Суда по правам человека по делу "Брумареску против Румынии"). Суды общей юрисдикции, применяющие уголовно-процессуальные нормы, следуя этому принципу, должны обеспечивать необходимые гарантии от возможного произвола. В решении по делу "Энгель и другие против Нидерландов" от 3 июня 1976 года Европейский Суд по правам человека указал, что положение пункта 1 (в) статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающее законное задержание или заключение под стражу (арест) лица с целью

обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом, относится только к тем случаям, когда закон разрешает задержание (арест) лица, чтобы заставить выполнить особое и конкретное обязательство, которое оно до этого момента выполнить не смогло, так как широкое толкование понятия "любое обязательство, предусмотренное законом" повлекло бы за собой последствия, не совместимые с идеей верховенства права, лежащей в основе Конвенции; оно оправдывало бы, например, административное задержание лица, чтобы заставить его выполнить любое требование на основании его общей обязанности подчиняться закону.

4. Предлагаемые дополнения в пункт 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ преследуют одну цель - убедить суды общей юрисдикции в том, что они не только вправе, но и обязаны применять конституционные принципы соразмерности (пропорциональности) и правовой определенности при разрешении каждого конкретного дела.